

ИЗ ПОЧТЫ “ОНС”

*С.А. МАГАРИЛ***Российская интеллигенция:
пределы рациональности**

Анализируются специфические особенности сознания интеллигенции России. Дважды инициировав в период конца XIX–начала XXI в. масштабные социальные трансформации, российская интеллигенция в обоих случаях оказалась вытеснена на социальную обочину и обращена в маргиналов.

Ключевые слова: интеллигенция, общественное сознание, социальные трансформации, иррациональные представления.

This article analyses specific peculiarities of Russian intelligentsia acknowledgement. Two times it was an initiator (at the beginning of the XX end of end XX centuries) of great social changes, but in both cases it was found a the social edge and became marginal.

Key words: intelligentsia, the acknowledgement of society, social changes, irrational conceptions.

Самые благотворные усилия политических перемен нередко сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум.

М. Сперанский

Социально-экономическое неблагополучие массовой российской интеллигенции, ставшее доминантой ее существования в XX–начале XXI в., вызывает необходимость попытаться понять его причины. Российская интеллигенция дважды в течение одного столетия стала инициатором масштабных социальных сдвигов. Но их результаты оказались бесконечно далеки от ее ожиданий как в начале, так и в конце XX в. Это свидетельствует о том, что базовые представления отечественной интеллигенции о российском социуме не соответствуют реальным закономерностям существования и исторического движения этого социума.

Представления дореволюционной интеллигенции

В качестве характерных неадекватных воззрений дореволюционной интеллигенции, делавшей ставку на революцию, могут быть названы представления:

– о русском народе как народе едином, не несущим в себе глубочайший социокультурный, а потому исторический (стадиальный) раскол на незначительное модернизированное меньшинство и подавляющее архаичное большинство;

– о том, что народ, разделенный на слои, обладающие столь различным социокультурным потенциалом адаптации, способен развиваться в едином историческом темпе;

– о возможности продуктивного переноса в архаический в своей основе социум России европейской теории марксизма; теории, отражающей реалии общества, построенного на иных социокультурных основаниях и существенно опередившего Россию в развитии;

Магарил Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета.

– о русском народе как народе-богоносце, глубоко и искренне приверженном православию, носителе высокой нравственности и духовности. Впоследствии, реально столкнувшись с целым рядом “коренных исторических черт, психологических комплексов, утопий и пр. русского человека”, интеллигенции пришлось сполна убедиться в “невысоком моральном качестве русского народа” [Пивоваров, 2008, с. 62, 56];

– о народе, не способном на инверсионный, исторически мгновенный отказ от 900-летнего православия, усвоенного, как оказалось, лишь на уровне обрядоверия и ритуала (Н. Бердяев);

– о заблуждениях, согласно которым общество предельно неразвитого правосознания способно разрешать масштабные социальные конфликты цивилизованным правовым способом, избегая в ходе революции массового насилия;

– о том, что население, в составе которого десятки миллионов неграмотных крестьян, не имевших ни малейшего представления о демократии, население, в котором доля образованных людей не превышала 3–4%, способно существовать в рамках демократии, придерживаясь ее норм в своей повседневной жизни;

– о том, что в ходе революции будут сохранены и продолжат исправно функционировать важнейшие системы жизнеобеспечения, а интеллигенция сохранит свой жизненный уклад и относительно комфортное существование;

– о том, что образованные группы знают (правильно понимают) нужды многомиллионного крестьянства и способны удовлетворить его интересы;

– о том, что образованное сословие способно политически вести за собой озлобленное, невежественное, крестьянское в своей основе население и контролировать развитие событий.

Действительно, в годы революции и Гражданской войны организационно-идеологическое ядро всех противоборствующих сил составили именно группы интеллигенции. Но как различны были их общественные идеалы: неограниченное самодержавие, конституционная монархия, буржуазно-демократическая республика и, наконец, диктатура пролетариата.

Закономерно, что имея столь далекие от реалий представления, российская интеллигенция оказалась не способна предвидеть последствия чаемой революции, а также то, как эта революция отразится на судьбе самой интеллигенции.

Представления советской интеллигенции

Потребности существования советского общества, и прежде всего необходимость создания оборонно-промышленного комплекса, а также воспроизводства и трансляции в массовые слои населения идеологии марксизма-ленинизма, вызвали к жизни советскую систему массового образования и производную от нее советскую интеллигенцию. Это ее труд и талант преобразовали аграрную Россию в индустриально развитое государство.

Но в то же время идеологическая монополия “единственно верного учения” и подавление критического общественнознания не дали возможности отечественной интеллигенции существенно продвинуться в понимании сути того, что представляло собой советское общество, социальной природы сил, скрываемых фасадом социалистической мифологии и “Морального кодекса строителя коммунизма”. Действительно, по свидетельству С. Глазьева, входившего в состав первого российского правительства, никто не думал, что развитие страны пойдет так, хотя многие члены кабинета рекрутировались из научной среды гуманитарных институтов АН СССР. Преобладал «романтический и весьма поверхностный взгляд на проблемы, с которыми мы должны были столкнуться... Фундаментальная “человеческая составляющая во многом игнорировалась”, что и привело реформы к провалу» (<http://www.polit.ru/analytics/2006/09/26/glazyev.html>).

Иллюзорные представления отечественного образованного сообщества конца XX в. можно охарактеризовать следующим образом:

– чрезмерно оптимистические, неоправданно завышенные представления о том, что в 1960-е гг. в обществе сформировалось целое поколение демократически мыслящих граждан, так называемое “поколение шестидесятников” (последующий ход событий наглядно продемонстрировал: “шестидесятники” были лучшими представителями этого поколения, но в силу очевидной малочисленности они не могли оказать решающего влияния на процессы, происходившие в СССР);

– первоначальные утверждения лидеров перестройки о неизбежности социалистического выбора;

– утверждение о неизбежности смены социально-экономического застоя восходящим развитием, поскольку “иного не дано”, и что “плохое не может смениться худшим”;

- ни на чем не основанные надежды, что президент, поставленный Конституцией над государственной и политической конструкцией, сможет реально гарантировать развитие общества по демократическому пути, а не станет заложником правящей бюрократии и ее интересов;
- исторически недальновидный отказ от политического (по аналогии с Нюрнбергским трибуналом), но не уголовного процесса над идеологией и политической практикой большевизма, установившего в России репрессивный тоталитарный режим диктатуры;
- утопические представления о возможности в условиях посттоталитарного общества и отсутствия внешних, жестких демократических рамок достичь убедительных социально-экономических результатов в кратчайшие, исторически мгновенные сроки (достаточно вспомнить программу “500 дней” и подобные проекты)¹;
- иллюзии о желательности и возможности установления умеренно авторитарного режима, способного решить задачи национальной модернизации²;
- миф о лучшем в мире советском образовании, внушавший ложные представления о том, что наличный уровень социальной компетенции и политико-правовой культуры населения достаточен для устойчивого национального развития и поступательного движения к правовому социальному государству³;
- ложные представления о том, что десятилетиями манипулируемый бюрократией советский “суд” будет достаточно быстро выведен из-под ее контроля и трансформирован в независимую судебную власть, способную положить конец “телефонному праву” и обеспечить подлинное верховенство закона;
- нереалистические ожидания, что советский “правоохранительный комплекс”, воспитанный тоталитарным режимом, в кратчайшие сроки может быть реформирован и, вопреки традициям, станет на защиту демократии (авторитарный поворот 2000-х гг. подобные иллюзии развеял окончательно);
- мнение о том, что многомиллионное население, которому в течение 74 лет внушалось ложное “социалистическое правосознание”, будет способно следовать нормам права в процессе формирования цивилизованных рыночных отношений;
- иллюзии, согласно которым атомизированный социум с крайне низким уровнем межличностного доверия способен в короткие сроки сформировать влиятельные структуры гражданского общества (общественные ассоциации, профсоюзы и политические партии), что позволит создать эффективные системы политического и правового контроля за исполнительной властью;
- беспочвенные ожидания, что население, второй раз в своей истории (после краткого периода с февраля по октябрь 1917 г.) получившее политические свободы, сумеет в ходе многопартийных выборов в Государственную думу сделать рациональный выбор и сформировать эффективный парламент;
- недооценка, если не игнорирование, демократическими группами ресурсов, возможностей и мотивов противодействия реформам со стороны бюрократического аппарата;
- сверхоптимистические ожидания, что в отсутствие демократических традиций, в условиях слабости и разобщенности политических сил демократии естественным ходом событий будут закреплены ее первые ростки;
- ни на чем не основанные надежды, согласно которым бюрократия не сможет или откажется от противозаконного использования своих административно-распорядительных полномочий (административного ресурса);
- наивные упования на то, что новая власть окажется в состоянии эффективно противодействовать исторически традиционной коррупции;
- напрасные мечты, что правящий класс постсоветской России будет проводить политику, исходя из интересов национального развития, а не собственного обогащения;
- следование ложным представлениям, преднамеренно внедряемым правящими группами на начальном этапе реформ, о необходимости деидеологизации общественного сознания (подобные представления стали одним из значимых препятствий политической самоорганизации населения России);

¹ Демократическая трансформация оккупированных Германии и Японии после 1945 г. потребовала только для восстановления довоенного уровня экономики примерно 10 лет.

² Надо полагать, итоги 2000–2007 гг. весьма разочаровали сторонников подобной точки зрения.

³ Советского массового высшего образования (только инженеров к концу советского периода насчитывалось около 10 млн человек) оказалось явно недостаточно, чтобы предотвратить сползание России на траекторию экономической деградации и социального неблагополучия.

– инфантильные идеи массовых групп интеллигенции, что ей следует самоустраниться от участия в политике (поскольку “политика – дело грязное”); однако при этом законные права и социально-экономические интересы большинства, в том числе самой интеллигенции, будут реализованы правящими группами.

Изложенные соображения вынуждают согласиться с теми специалистами, по мнению которых социум был интеллектуально не готов к переменам [Сатаров, 2009, с. 37]. Более того, даже люди с высшим образованием, но подверженные сформированному мифологическому сознанию, готовы “руководствоваться в объяснении социальной реальности только примитивными стереотипами и мифами” [Паин, 2009, с. 147].

Таким образом, можно сделать вывод: российское общество в своем историческом движении столкнулось с фундаментальной социальной проблемой – воспроизводством средневековых институтов. При всех масштабных социальных сдвигах и трансформациях последних 300 лет в России неизменно воспроизводились и продолжают воспроизводиться: социокультурный раскол, архаичная система ценностей, свойственная общественному сознанию традиционализма; тип массового подданного – беспомощного, бесправного, социально некомпетентного рядового человека (социального изолянта), образующего атомизированное общество; неправовая, авторитарная государственность; зависимый суд, не способный противостоять давлению власти, обслуживающий ее интересы, действия по принципу силы, а не права; коррумпированная, своекорыстная, не контролируемая обществом, а потому всевластная бюрократия; сращивание власти и собственности.

Все это оказывает определяющее влияние на траекторию исторического движения российского социума, препятствуя его восходящему, поступательному развитию. А их неизбывное воспроизводство свидетельствует о недостаточной эффективности системы социогуманитарного образования как важнейшего механизма рационализации общественного сознания, а потому и совершенствования социально-властных отношений.

Куда идти и что делать?

Реалии постсоветской России наглядно продемонстрировали: дезориентированная и политически аморфная массовая интеллигенция очень быстро утратила способность влиять на ход событий и политику властей. Кто же, в таком случае, может и должен предложить массовым слоям населения образцы социально одобряемого поведения, более того – общественные идеалы?

С начала постсоветской трансформации прошло почти 20 лет. Ежегодно высшая школа выпускает около миллиона специалистов. Всем им прочитаны курсы политологии, социологии, отечественной истории, права, культурологии... Полки книжных магазинов ломятся от учебной, аналитической и публицистической литературы. Казалось бы, студенческая молодежь должна руководствоваться в жизни гражданским самосознанием. Однако на излете второго десятилетия реформ апатичное общество, понукаемое “элитами”, вновь послушно и безропотно повернуло в привычную, исторически тупиковую авторитарную колею. Теоретически были возможны и другие сценарии трансформации, однако, в соответствии с принципом Г.В. Лейбница, для иного развития событий не оказалось достаточных оснований. И одно из таких отсутствующих оснований – уровень отечественных социальных наук и производное от него качество социогуманитарной подготовки выпускников высшей школы. Дезориентация вузовской интеллигенции влечет за собой особо тяжелые последствия.

Что могут предъявить обществу в качестве результатов своей профессиональной деятельности носители социогуманитарного знания? Политическая культура населения находится на крайне низком уровне; правосознание не воспитано; способность к самоорганизации, созданию структур гражданского общества и цивилизованным солидарным действиям – в зачаточном состоянии; взаимное доверие людей существенно ниже, чем в европейских странах; историческая ответственность за общенациональное будущее большинством населения отторгается; духовность, понимаемая как гуманистические идеалы и ценности, также массово не освоена. Более того, результаты постсоветских реформ отчетливо свидетельствуют: социогуманитарной интеллигенции не удалось вырастить высокоинтеллектуальную национальную политическую элиту, способную взять на себя ответственность за историческое будущее России.

Настоятельная задача российской интеллигенции, прежде всего ее социогуманитарной корпорации, – наращивание рационального знания о российском социуме и настойчивая трансляция этого знания в общество. В связи с этим возникает проблема качества социогуманитарного знания, предлагаемого студенческой аудитории. Нередко это так называемые “политтехнологии”, использование которых в обществе полухраичной политической культуры неизбежно вырождается в манипулирование профанным сознанием. Однако никому и нигде не удалось

утвердить демократию в отсутствие необходимого множества демократически мыслящих граждан. Модернизация общественного сознания в ходе освоения технико-технологических знаний, начатая в период индустриализации 1930–1960 гг., должна быть продолжена. В XXI в. в стенах высшей школы студенты должны получать не только профессиональные знания для решения технических проблем. Но также, как советовал Сперанский, получать “образование гражданское”, позволяющее рационально-критически осмысливать сложнейшие социально-политические проблемы развития России. Со студенческой скамьи молодежь должна отчетливо знать: без реальной политической конкуренции невозможно создать эффективную систему стратегического национально-государственного управления, а потому – и обеспечить поступательное, восходящее развитие общества.

Архаика отечественной политической культуры не может не вызывать глубоких опасений. Анализируя причины, повлекшие гибель российской многопартийности в начале XX в., исследователи констатируют полную аналогию современным реалиям, в первую очередь – отсутствие массовой социальной базы политических партий. Партии не стали реальным фактором политической жизни. Вместо многопартийности возникла мелкопартийность, поскольку число членов партий составляло около 0,5% населения России в 1906–1907 гг. и не более 1,5% населения после Февральской революции. Лидеров партий отличали те же характерные неспособность и нежелание находить компромиссы для создания устойчивых политических союзов [Сморгунов, Семенов, 1996, с. 170–171].

В данном контексте представляет интерес сравнение российской интеллигенции и западных интеллектуалов. В общественном мнении России широко распространено представление, согласно которому коренное отличие названных групп состоит в том, что интеллигенция озабочена проблемами общества, а интеллектуалы – лишь собственным благополучием. Однако это не соответствует действительности. Интеллектуалы Запада совместно с представителями других социальных групп сумели создать сильные, влиятельные политические партии. Это позволяет им активно влиять на формирование законодательства, продвигая в него общественно значимые интересы и тем самым обеспечивать решение актуальных проблем социума. Российской интеллигенции еще предстоит освоить подобный образ мысли и действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Менделеев Д.И.* Об образовании, преимущественно высшем (1904 г.) // *Менделеев Д.И. Заветные мысли.* М., 1995.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. В 2 т. Т. 2. СПб., 2003.
- Паин Э.* Предварительные итоги эволюции национального вопроса в России // *Россия 1993–2008: итоги трансформации.* М., 2009.
- Пивоваров Ю.С.* Истоки и смысл русской революции // *Правовая и политическая культура России: прошлое, настоящее, будущее.* Новосибирск, 2008.
- Сатаров Г.* Итоги российской трансформации // *Россия 1993–2008: итоги трансформации.* М., 2009.
- Сморгунов Л., Семенов В.* Политология. СПб., 1996.

© С. Магарил, 2011

Сдано в набор 20.12.2010	Подписано к печати 28.01.2011	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ. л. 14,3	Усл. кр.-отг. 7,8 тыс.
	Тираж 537 экз.	Зак. 1075

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049
Издатель – Российская академия наук. Издательство “Наука”: Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»: Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099